

КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ

ЛЬЮИС

ПЕРЕЛАНДРА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Космическая трилогия

Клайв Льюис

Переландра

«Издательство АСТ»

1943

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Льюис К. С.

Переландра / К. С. Льюис — «Издательство АСТ»,
1943 — (Космическая трилогия)

ISBN 978-5-17-146202-4

Второй роман знаменитой «Космической трилогии» отсылает читателя к началу времен на далекой планете Переландра, где в райских кущах обитают лишь Король и Королева и которым еще только предстоит столкнуться со змеем-искусителем. Доктор Рэнсом с планеты Земля, волею высших сил оказавшийся на Переландре, пытается предотвратить грехопадение инопланетных Адама и Евы. Но что может он противопоставить несокрушимой силе соблазна и грозных страстей? Тем более что на планете у него появляется соперник с прямо противоположной целью – уговорить прекрасную Еву поддаться сладкому искушению... Книга, в которой автор исследует природу и возможности ментальных сил, истоки добра и зла и место человека во Вселенной. Книга, прочитав которую, невозможно остаться прежним. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-146202-4

© Льюис К. С., 1943
© Издательство АСТ, 1943

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	23
Глава V	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Клайв Стейплз Льюис

Переландра

© C. S. Lewis Pte Ltd. 1943

© Перевод. Л. Сумм, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава I

Я сошел с поезда у Вустера и отправился пешком к дому Рэнсома (до него было три мили), размышляя по дороге, что ни один из пассажиров, оставшихся на станции, не мог бы и вообразить, что повидал тот, к кому я иду. Унылая равнина – поселок был за ней, милях в трех к северу от станции – ничем не отличалась от других равнин. Сумрачное предвечернее небо было таким же, как всегда осенью. Редкие дома, купы красных и желтых деревьев – нигде ничего особенного. И вот, миновав эту тихую скромную местность, я увижу того, кто побывал – и жил, и ел, и пил – в сорока миллионах миль отсюда, на планете, с которой Земля кажется крохотной зеленой искоркой, и разговаривал с существом, помнившим времена, когда здесь, у нас, еще никого не было.

На Марсе Рэнсом видел не только марсиан. Он встретил существ, которые называют себя эльдилами, и даже Великого Эльдила, который правит Марсом и зовется там Уарсой Малакандры. Эльдилы отличаются от тех, кто обитает на планетах. Их тело – если это тело – совсем иное, чем у нас или у марсиан. Они не едят, не дышат, не рождаются, не умирают – словом, в этом они больше похожи на минералы, способные мыслить, чем на то, что мы назвали бы живым существом. Они часто появляются на планетах и, по нашим понятиям, живут там, но определить, где они, очень трудно. Сами они считают своим обиталищем космос («Глубокие Небеса»), и планеты для них – не миры, просто движущиеся точки, а то и разрывы в едином поле, которое мы называем Солнечной системой, они – Арболом.

Рэнсом вызвал меня телеграммой: «Если можете, приезжайте четверг важному делу». Я догадывался, какое это дело, и хотя твердил себе, что провести вечер с Рэнсомом очень приятно, так и не смог избавиться от тревожных предчувствий. Тревожили меня эльдилы – к тому, что Рэнсом побывал на Марсе, я еще как-то притерпелся, но эльдилы, существа, чья жизнь практически бесконечна... Да и само путешествие не очень мне нравилось. Побывав в ином мире, поневоле изменишься, хотя и не скажешь точно в чем. Когда речь идет о давнем друге, не так уж это приятно, – прежние отношения восстановить нелегко. Но гораздо хуже другое: я все больше убеждался, что и тут, на Земле, эльдилы не оставляют его. Что-то проскальзывало в его речи – случайный намек, порою жест, от которых он тут же неуклюже отнекивался. Словом, он общался с кем-то, у него... ну, кто-то бывал.

Я шел по пустынной неогороженной дороге, пересекавшей Вустерскую пустошь, и пытался прогнать дурные предчувствия, анализируя их. Чего, в конце концов, я боюсь? Едва я задал себе этот вопрос, я пожалел о нем. Меня поразило слово «боюсь». До сих пор я хотел убедить себя, что речь идет о неприязни, неловкости, на худой конец – скуке. Но вот я произнес «боюсь» и ощутил страх. Я боялся все время, именно боялся – и того, что встречу эльдилов, и того, что меня во что-то втянут. Наверное, все знают, как страшно «влипнуть»: ты просто думал, размышлял, и вдруг оказывается, что ты вступил в коммунистическую партию или вернулся в лоно церкви, дверь захлопнулась, ты внутри, по ту сторону. Собственно, так случилось с Рэнсомом. Он попал на Марс (на Малакандру) помимо своей воли, почти случайно; другая недобрая случайность подключила к этой истории и меня. Нас все больше и больше втягивало в эту, с позволения сказать, межпланетную политику. Не знаю, сумею ли я вам объяснить, почему мне так не хотелось знакомиться с эльдилами. Я не просто – и разумно – старался избежать чужих, могучих и очень мудрых созданий. Все, что я слышал о них, вынуждало соединить два представления, которые очень разделены, и это меня отпугивало. Мы привыкли относить нечеловеческий разум либо к «научному», либо к «сверхъестественному». В одном настроении мы думаем о марсианах Уэллса (которые, кстати сказать, сильно отличаются от обитателей Малакандры), в другом – об ангелах, духах, феях и тому подобном. Но если эти существа реальны, граница между классами стирается – и вовсе исчезает, когда речь идет об

эльдилах. Они не животные – в этом смысле они подпадут под вторую категорию, но у них есть некое подобие тела, которое (в принципе) можно зафиксировать научно; и в этом они относятся к первой группе. Перегородка между естественным и сверхъестественным рухнула; и тут я узнал, как успокаивала она, как облегчала нам бремя странного мира, с которым мы вынуждены общаться, разделив его надвое, чтобы мы не думали о нем в его цельности. Другое дело, какую цену мы платим за этот покой – путаницу в мыслях и ложное ощущение безопасности.

«Какая долгая, тоскливая дорога, – бормотал я. – Хорошо еще, что ничего не надо нести».

Тут я вздрогнул, сообразив, что нести как раз надо – я ведь взял с собой вещи. Я чертыхнулся: значит, чемоданчик остался в поезде. Поверите ли, что сперва я решил вернуться на станцию «и что-нибудь сделать». Конечно, делать было нечего, я мог с тем же успехом позвонить от Рэнсома. Поезд с моим чемоданом так и так далеко ушел.

Теперь я это понимаю, но тогда мне казалось, что необходимо вернуться, и я повернул было, прежде чем разум или совесть побудили меня идти дальше. Тут я понял гораздо яснее, что идти вперед мне очень не хочется. Это было очень трудно, словно я шел против сильного ветра, хотя вечер был тихий – ни одна ветка не шевелилась – и спускался туман.

Чем дальше я шел, тем чаще все мои мысли обращались к эльдилам. Что, в самом деле, знает о них Рэнсом? Сам он говорил, что они почти не посещают Землю, а может быть, даже и вообще не бывали тут до его визита на Марс. У нас есть свои эльдилы, теллурийские, но они совсем иные и человеку враждебны. Собственно, потому наш мир и не общается с другими планетами. Мы – как бы в осаде, вернее – на территории, захваченной теми эльдилами, которые враждебны и нам, и эльдилам «Глубоких Небес». Они кишат здесь, у нас, как микробы, и все отравляют, только их мы не видим потому, что они слишком велики, а не слишком малы. Это из-за них на самом деле все у нас пошло не туда – произошло то злосчастное падение, в котором главный урок истории. Тогда мы должны радоваться, что светлые эльдилы прорвали линию обороны там, где орбита Луны, – конечно, если Рэнсом все правильно рассказал.

Мерзкая мысль посетила меня – а что, если Рэнсома обманули? Предположим, какая-то внешняя сила хочет захватить Землю; может ли она придумать лучшее прикрытие? Где хоть малое доказательство, что на Земле живут злые эльдилы? Мой друг, сам того не понимая, оказался мостиком для врага, троянским конем, с чьей помощью враг захватит Землю. И снова, как и тогда, когда я обнаружил, что нет багажа, мне захотелось вернуться.

«Вернись, вернись, – как бы слышал я. – Пошлешь ему телеграмму, что болен, приедешь потом, да мало ли что!»

Меня удивило, что это желание так сильно. Я остановился, постоял, запрещая себе всякие глупости, и, когда снова двинулся вперед, подумал, не начинается ли нервный приступ. Едва эта мысль пришла мне в голову, она стала очередным доводом против визита к Рэнсому – конечно, я не гожусь для странных дел, на которые намекала телеграмма. Я не должен был даже отлучаться из дому, разумно одно – поскорее вернуться и позвонить врачу, пока не начался самый приступ и не отказала память. Просто безумие идти дальше.

Я дошел до конца равнины и спускался вниз. Слева была роща, справа – покинутое здание какой-то фабрики. Внизу собирался туман.

«Сперва они назовут это нервным приступом, – думал я, – а потом...»

Вроде бы есть какое-то душевное заболевание, при котором страшно бояться самых обычных вещей – вот как я боюсь теперь заброшенного строения. Кучи цемента и странные кирпичные стены глядели на меня поверх сухой и пыльной травы, серых луж и сломанных рельсов. Такие вот странные штуки видел и Рэнсом на Марсе, только там они были живые. Гигантских пауков он называл сорнами. Хуже того – он считал их хорошими, гораздо лучше, чем мы, люди. Он с ними в заговоре! Кто знает, обманули его или нет... А что как все гораздо хуже? Он сам гораздо хуже... И тут я снова остановился.

Читатель не знает Рэнсома и не сможет понять, как нелепа такая мысль. Даже в эту минуту здравая часть души моей прекрасно знала: если вся Вселенная безумна и враждебна, Рэнсом честен и здоров. Только это и вело меня вперед, но с каким трудом, с каким трудом! В глубине души я твердо верил, что каждый шаг приближает меня к другу, а чувствовал, что иду к врагу, к предателю, колдуну, заговорщику... иду, как дурак, прямо в ловушку.

«Сперва это назовут нервным припадком, – продолжал тот же голос, – сперва тебя положат в больницу, а там и в сумасшедший дом».

Я миновал вымершую фабрику и окунулся в туман, в холод. Мимо меня что-то промелькнуло, и меня пронзил такой бессмысленный и всепоглощающий ужас, что я чуть не вскрикнул. Это кошка перебежала дорогу; но силы совсем покинули меня, а мучитель внутри не унимался.

«Скоро и впрямь закричишь, – говорил он. – Будешь вопить, вопить, вопить и никогда не остановишься».

У края дороги стоял пустой дом с заколоченными окнами; только в одном окне блеснуло стекло, словно глаз дохлой рыбы. Обычно я думал о привидениях не больше, чем вы, – и не меньше, пожалуй. Но теперь я чувствовал точно: в этом доме – призраки, привидения... нет, какое слово! Ребенок, и не слышавший его, содрогнется, если один взрослый скажет в сумерках другому: «А там есть привидения».

Наконец я добрался до перекрестка, где стояла часовня методистской церкви, – отсюда я повернул бы налево, к березовой роще, и увидел бы свет в окнах Рэнсома, если не настало время затемнения. Этого я не знал, часы у меня остановились. Вроде бы стемнело, но ведь был туман. Да я и не темноты боялся. Бывает же так, что вещи кажутся живыми, у них свое выражение лица, и вот мне очень не нравилось лицо этой дороги.

«Неправда, что сумасшедшие не чувствуют начала болезни», – продолжал все тот же голос.

А что, если именно здесь я и сойду с ума? Тогда, конечно, мне мерещится, что влажные от тумана стволы враждебно поджидают меня. Но это меня не утешило. Если ужас мерещится, он не легче, он страшнее, ведь с ним соединяется страх перед безумием и оно само, и совсем уж чудовищное чувство: только те, кого называют сумасшедшими, видят истинный, ужасный лик мира.

Все это обрушилось на меня. Я шел сквозь холодную тьму и был почти уверен, что вхожу в безумие. О здравомыслии я думал все хуже и хуже. Разве оно и раньше не было условностью, удобной ширмой, привычным самообманом, скрывавшим от нас чуждый и враждебный мир, в котором приходится жить? То, что я слышал за последние месяцы от Рэнсома, выходило за рамки «нормального», но я зашел далеко и не считал его рассказ вымыслом. Только вот правильно ли он все понял, был ли он вполне честен? Что же до тех, кого он видел, в них я не сомневался – в этих пфифльтригах, и хроссах, и сорнах, и межпланетных эльдилах. Я не сомневался даже в том таинственном существе, которое эльдилы именуют Малельдилом и почитают, как никто не почитает земных владык. Я знал, кем считает его Рэнсом.

Показался дом, совсем темный. Я чуть не расплакался, как ребенок, – нет, почему Рэнсом не вышел меня встретить? Потом, совсем уж по-детски, я подумал, что он притаился в саду и вот-вот бросится на меня сзади. А может, я сам увижу его со спины, подойду, он обернется, а это – совсем и не человек.

Конечно, я не хотел бы рассказывать об этом подробно; я и вспоминаю-то все со стыдом, и не стал бы затягивать свой рассказ, но мне кажется, что иначе не понять всего остального. Да я и не могу описать, как добрался до двери коттеджа. Страх и отвращение гнали меня прочь, я должен был пробить невидимую стену, я бился за каждый шаг, снова едва не вскрикнул, когда лица моего коснулась ветка, – но все же вошел в сад и как-то добрался по дорожке до дома. Тут я стал стучаться, рвать ручку, звать Рэнсома, словно моя жизнь зависела от того, откроет он или нет.

Ответа не было, только эхо разносило мои вопли. На дверном молотке что-то белело. Я догадался, что это – записка, чиркнул спичкой и увидел, как дрожат у меня руки, а когда спичка погасла, стало совсем темно. Чиркая спичками, я разобрал: «Простите, уехал в Кембридж. Вернусь последним поездом. Еда в буфете, постель – в вашей комнате. Если хотите, ужинайте без меня. Э. Р.» Меня опять отшвырнуло назад, словно бесы накинудись на меня: я еще свободен, путь открыт, только иди. Сейчас – или никогда. Так я и буду сидеть тут, ждать часами! Но едва я решился повернуть, как мне стало страшно. Неужели опять идти через березовую рощу? Теперь там совсем темно, а за спиной останется этот дом (глупо, но мне чудилось, что он погонится за мной). Потом в моей душе пробудились остатки верности и здравого смысла – я не мог так подвести Рэнсома. По крайней мере, надо было проверить, открыта ли дверь. Я потянул – она открылась, и, сам не зная как, я оказался внутри, а она захлопнулась.

Там было темно и тепло. Я двинулся на ощупь, ударился обо что-то, упал и несколько минут сидел, потирая ушибленную ногу. Вроде бы я хорошо знал эту комнату – то ли гостиную, то ли холл – и понять не мог, на что же я здесь наткнулся. Наконец я нащупал в кармане спички, чиркнул, головка отлетела. Я затоптал ее, принялся – не тлеет ли ковер – и уловил странный, совершенно незнакомый запах. Он был ненормален, как запах любой «химии» в доме, но химикаты пахнут не так. Я снова зажег спичку – она почти тут же погасла, ведь я сел на коврик у самой двери, и даже в лучших коттеджах, чем у Рэнсома, у дверей обычно дует. Разглядел я только свою ладонь, изогнувшуюся в тщетной попытке укрыть крохотное пламя. Что ж, надо отойти от двери. Я несмело поднялся на ноги, попытался опять нащупать дорогу – и опять наткнулся на что-то гладкое и холодное. Коснувшись этого коленом, я понял, что запах идет отсюда, и пошел налево, нащупывая границы странного предмета. У него оказалось несколько граней, но я никак не мог понять, какой же он формы. Это не стол, нет столешницы: я вел рукой вдоль низенькой стенки, и пальцы попали куда-то внутрь. Если бы эта штука была деревянной, я бы принял ее за большой ящик. Но это было не дерево. Сперва поверхность показалась мне влажной, потом я решил, что она просто холодная. Добравшись до края стенки, я снова чиркнул спичкой.

И увидел что-то белое, полупрозрачное, словно лед. Какая-то длинная, очень длинная штука, похожая на ящик, но странной, неприятной, вроде бы знакомой формы. Тут мог уместиться человек. Я отступил на шаг, поднял спичку повыше, чтобы разглядеть все разом, и тут же ударился обо что-то спиной. Снова закружил я в темноте и упал не на ковер, а тоже на что-то холодное, со странным запахом. Сколько же тут понапихано всякой чертовщины?

Я хотел было подняться и как следует обшарить комнату – должна же где-то быть свечка, – как вдруг услышал имя Рэнсома и почти сразу – но не сразу – увидел то самое, что я так боялся встретить. Кто-то произнес: «Рэнсом», – но я бы не сказал, что слышу голос; на живой человеческий голос это было совсем не похоже. Слоги звучали чисто, даже красиво, но как-то, поймите меня, мертво. Мы отличим голоса животных (в том числе – человека) от всех прочих звуков, хотя разницу нелегко определить. В любом голосе есть призыв крови и плоти – легких, горла, теплой и влажной полости рта. Здесь ничего этого не было. Два слога прозвучали так, словно нажали две клавиши, но звук не был и механическим. Машину создает человек, а этот голос звучал так, словно заговорил камень, или кристалл, или луч света. Тут я вздрогнул, и стало так страшно, будто лез на скалу и потерял опору.

Таков был звук. А увидел я столб очень слабого, призрачного света. Кажется, ни на полу, ни на потолке не было светлого пятна. Столб этот едва освещал комнату – рядом, возле себя. Другие два его свойства объяснить труднее. Во-первых, цвет. Раз я его видел, я должен бы знать, белый он или какой иной, но никаким усилием памяти я не могу этого представить. Синий, золотой, красный, фиолетовый – нет, все не то. Просто не знаю, как может зрительное впечатление так быстро и безвозвратно изгладиться. Второе – угол наклона: столб света висел не под прямым углом к полу. Но это я позже догадался, тогда световая колонна показалась

мне вертикальной, а вот пол уже не был горизонтальным, и вся комната накренилась, словно палуба. Казалось, что «это» соотнесено с иной горизонталью, с иной пространственной системой, чья точка отсчета – вне Земли, и теперь навязывает мне эту, чуждую систему, отменяя земную горизонталь.

Я знал, что вижу эльдила – скорее всего, марсианского архонта, Уарсу Малакандры. Мерзкая паника исчезла, хотя теперь, когда все случилось, мне было не слишком-то уютно. Эта штука явно не принадлежала к органическому миру, разум как-то разместился в однородном столбе света, но не был прикован к этому столбу, как наш разум прикован к мозгу и нервам, – право же, думать об этом очень неприятно!¹ Это никак не уместилось в наши понятия. Я не мог ответить ему словно живому существу, не мог и отмахнуться как от предмета. Зато в этот миг исчезли все сомнения, терзавшие меня на пути, – я уже не гадал, враги ли нам эти существа, шпион ли Рэнсом, обманут ли он. Мною овладел иной страх: я знал, что эльдилы – «хорошие», но далеко не был уверен, что такое добро мне нравится. Вот это и впрямь было страшно. Пока вам грозит что-то плохое, вы можете надеяться, что «хорошие» вас спасут. А что, если они гораздо хуже? Что, если пища обернется отравой, в собственном доме вы не сможете жить и сам ваш утешитель окажется обидчиком? Тогда спасения нет, последняя карта бита. Вот в таком состоянии я провел секунду или две. Передо мной наконец предстал посланец того мира, который я вроде бы люблю, к которому стремлюсь, – и мне не понравился. Я хочу, чтобы его не было. Я хочу, чтобы нас разделила пропасть, непреодолимая бездна или хоть занавеска. И все же я в бездну не бросился. Как ни странно, меня спасала и успокаивала моя беспомощность: я попался, борьба завершилась, не мне решать, что будет.

Новый звук донесся до меня, словно из иного мира, – скрипнула и растворилась дверь, прозвучали шаги, и на фоне серой ночи, заглянувшей в открытую дверь, я увидел Рэнсома. Столб света снова заговорил тем голосом, который голосом не был, и Рэнсом, остановившись, ответил ему. Оба они говорили на странном языке, я никогда прежде не слышал этих многосложных слов. Я не пытаюсь оправдать то, что почувствовал, когда нечеловеческий голос обратился к моему другу и друг мой отвечал на нечеловеческом языке. Да, оправдать я не пытаюсь; но если вы не поверите, что я чувствовал именно это, вы не знаете ни истории, ни собственной души. Я ревновал, я злился, я боялся. Я чуть не завопил: «Оставь ты своего приятеля, колдун проклятый! Посмотри на меня!»

А сказал я: «Слава богу, Рэнсом. Наконец вы вернулись».

¹ Здесь я описываю, конечно, то, что думал и чувствовал тогда; ведь это – только свидетельство очевидца. Однако стоит поразмыслить о том, как воспринимают эльдилов наши чувства. Пока что я нашел достойные внимания мысли в начале XVII века. Любопытных отошлю к Натвильшусу («Ab Aetereo et Aereo Corpore». Базель, 1627, II, 12). Он пишет: «Вероятно, однородное пламя, воспринимаемое нами, – не самое тело ангела или беса, но его доступный чувствам образ или же поверхность некоего тела, которое пребывает за пределами наших понятий, в особой, небесной сфере». Под «особой, небесной сферой» он, видимо, подразумевает то, что мы назвали бы многомерным пространством. Конечно, о таких пространствах он ничего не знал, но дошел на опыте до того, к чему, много позже, ученых привела теория.

Глава II

Дверь захлопнулась во второй раз за этот вечер, и Рэнсом почти сразу нащупал свечу. Оглядевшись при свете, я никого, кроме нас двоих, не увидел. Посреди комнаты стояла большая белая штука. Теперь я легко понял, что это – большой, похожий на гроб ящик без крышки. Крышка лежала рядом, о нее-то я и споткнулся. И ящик, и крышка были из чего-то белого вроде льда, но менее яркого.

– Вот хорошо, что вы пришли! – сказал Рэнсом, пожимая мне руку. – Надеялся встретить вас на станции, но все перепуталось в такой спешке, и мне пришлось все-таки поехать в Кембридж. Я совсем не хотел, чтобы вы шли один по этой дороге.

Наверное, он увидел, что я тупо смотрю на него, и прибавил:

– С вами все в порядке? Вы прошли через заграждение?

– Через заграждение?

– Я думаю, вам было не так-то легко сюда добраться.

– Вот как! – сказал я. – Значит, это не просто нервы? Там и вправду что-то было?

– Ну да. Они не хотели пускать вас. Я этого боялся, но просто времени не было вам помочь. Я верил, что вы доберетесь.

– Они – это наши эльдилы?

– Конечно. Они как-то узнают обо всем...

Я перебил его:

– По правде говоря, Рэнсом, меня это все больше тревожит. Когда я шел сюда, мне пришлось в голову...

– Вам еще не то придет в голову, дайте им волю! – весело откликнулся Рэнсом. – Лучше всего не обращать на них внимания и делать свое дело. Не пытайтесь им возражать, им только и надо вовлечь вас в бесконечный спор.

– Послушайте, – сказал я, – это же не шутки. Вы вправду уверены, что есть этот темный князь, падший Уарса Земли? Вы уверены, что есть две стороны, и знаете, какая из них – наша?

Он поглядел на меня – у него бывал такой взгляд, кроткий и в то же время грозный.

– А вы вправду сомневаетесь? – спросил он.

– Нет, – подумав, ответил я, и мне стало стыдно.

– Вот и хорошо, – обрадовался он. – Давайте поужинаем, и я вам все объясню.

– Зачем вам этот гроб? – спросил я, когда мы вошли в кухню.

– В нем я отправлюсь в путь.

– Рэнсом! – вскрикнул я. – Он... оно... эльдилы потащат вас снова на Марс?

– Потащат! – ответил он. – Ох, Льюис, ничего вы не понимаете. Если бы... да я бы отдал все, лишь бы снова заглянуть в те ущелья, где синяя-синяя вода плещет среди лесов. Или подняться наверх и увидеть сорна, скользящего по склону. Или оказаться там к вечеру, когда восходит Юпитер, яркий – глазам больно, а все астероиды – словно Млечный Путь, и каждая звездочка видна так же ясно, как с Земли – Венера. А запахи? Разве я смогу их забыть? Вы скажете, тоска должна находить ночью, когда восходит Марс, – но нет, хуже всего в жаркий летний день, когда я гляжу в синюю бездну и знаю, что там, в глубине, за миллионы миль есть место, в котором я был и никогда уже не буду, а там, на Мельдилорне, цветут цветы и живут друзья, которые были бы мне рады. Нет. Такого счастья не будет. Меня посылают не на Малакандру, а на Переландру.

– Это Венера?

– Да.

– Что значит «посылают»?

– Помните, когда я улетал с Малакандры, Уарса сказал мне, что с моего путешествия может начаться новая эра в истории Арбола, Солнечной системы? Вероятно, сказал он, близится конец осаде, в которой мы живем.

– Да, помню.

– Похоже, так оно и есть. Во-первых, обе стороны, как вы их назвали, проявляют себя гораздо четче здесь, на Земле, в наших делах. Скажем так, они не скрывают флага.

– Согласен.

– А во-вторых, темный князь, наш падший Уарса, готовит нападение на Переландру.

– Разве Солнечная система открыта ему? Разве он может попасть на Венеру?

– В том-то и дело. Сам, в своем обычном образе, он туда попасть не может. За много веков до того, как тут, у нас, появилась жизнь, он был загнан в эти границы. Если он только покажется за пределами лунной орбиты, его опять загонят обратно, просто силой. Это была бы иная война, и от нас с вами было бы не больше толку, чем от мухи при обороне Москвы. Нет. Он нападет на Переландру иначе.

– При чем же тут вы?

– Ну... меня посылают туда.

– Уарса?

– Нет. Приказ – из более высоких сфер. Впрочем, все повеления, так или иначе, – оттуда.

– Что ж вы должны там делать?

– Мне не сказали.

– Значит, вы в свите Уарсы?

– Как раз нет. Уарса там не останется. Он только доставит меня. А потом я, видимо, останусь один.

– Боже мой, Рэнсом! – начал я, и голос мне изменил.

– Да, да, – сказал он и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. – Правда нелепо? Доктор Элвин Рэнсом против Престолов и Господств! Мания величия, не иначе.

– Я не о том... – сказал я.

– О том, о том. Во всяком случае, я теперь так чувствую. Впрочем, что тут странного? Нам каждый день приходится это делать. Библия говорит о брани против начальств, против властей, против духов злобы поднебесных – перевод здесь, кстати, очень неточный, – и сражаться должны самые обычные люди.

– Да это же совсем другое дело! – возразил я. – Там речь идет о духовной брани.

Рэнсом откинул голову и рассмеялся.

– Ох, Льюис, Льюис, – воскликнул он, – и что вы только скажете!

– Как вам угодно, Рэнсом, а разница есть...

– Есть, есть, но не такая. Каждый из нас должен сражаться, тут нет мании величия. Вот посмотрите – в нашей маленькой земной войне тоже сменяются разные фазы, и каждый раз мы и думаем, и ведем себя так, словно эта фаза не кончится, хотя на самом деле все меняется прямо на глазах. И опасности, и удачи в этом году – не те, что в прошлом. Вот и вам кажется, что обычные люди могут столкнуться с темными эльдилами только на нравственном, душевном уровне – борясь с искушением, к примеру, – но это верно только для определенной фазы в космической войне, для эры великой осады, которая и дала Земле имя Тулкандры, Безмолвной планеты. А что, если это время подходит к концу? А что, если каждый встретит силы тьмы... ну, по-другому.

– Ах вон что...

– Только не думайте, что меня выбрали потому, что я какой-то особенный. Никогда не поймешь, почему нас избирают для того или другого дела. А если и узнаешь причину, она не даст пищи тщеславию. Нас избирают не за то, чем мы сами гордимся. Скорее всего, посылают

именно меня потому, что два негодяя, утащившие меня на Малакандру, дали мне возможность изучить язык. Конечно, это не входило в их планы.

– Какой язык?

– Хресса-хлаб. Язык, который я выучил на Малакандре.

– Неужели вы думаете, что на Венере говорят на этом языке?

– Разве я вам не сказал? – спросил Рэнсом, наклоняясь вперед. К этому времени мы уже доели холодное мясо, допили пиво и теперь пили чай. – Странно, ведь я докопался до этого два или три месяца тому назад. С научной точки зрения это – самое интересное. Мы ошибались, принимая хресса-хлаб за местный, марсианский язык. Правильнее было бы назвать его старосолярным, хлаб-эрибол-эф-корди.

– Господи, что это?

– Понимаете, раньше все разумные существа, обитавшие на планетах Солнечной системы, говорили на одном языке (эльдилы называют эти планеты Нижним миром). Конечно, большинство из них необитаемы, хотя бы по нашим понятиям. Этот изначальный язык забыли в нашем мире, на Тулкандре, когда случилась беда. Ни один из земных языков не восходит к нему.

– А как же другие марсианские языки?

– Пока не знаю. Одно мне ясно, они намного моложе хресса-хлаба, особенно сурнибур, язык сорнов. Я думаю, это можно доказать лингвистически. Сурнибур, по марсианским стандартам, просто новее нового – он едва ли древней нашего кембрия.

– Стало быть, вы рассчитываете, что на Венере знают хресса-хлаб?

– Да. Я приеду, зная язык. Так гораздо проще, хотя для филолога и скучнее.

– Вы же и понятия не имеете, что надо делать, в какой вы мир попадете!

– Что мне надо делать, я и правда не знаю. Понимаете, бывают такие дела, в которых важно ничего не знать заранее. Может быть, нужно будет что-то сказать, а это не прозвучит убедительно, если подготовишься. Что же до тамошнего мира, тут я немало знаю. Там тепло, мне велели раздеться. Астрономы еще ничего не выяснили о поверхности Переландры, у нее слишком плотная атмосфера. Главный вопрос – вращается ли она и с какой скоростью? В науке сейчас есть две гипотезы. Скъяпарелли считает, что Венера оборачивается вокруг своей оси за то же время, что и вокруг Арбола, простите – Солнца. Другие думают, что она оборачивается за двадцать три часа. Это мне тоже предстоит выяснить.

– Если ваш Скъяпарелли прав, то на одной стороне всегда светло, а на другой вечная ночь. Рэнсом кивнул.

– Занятная граница... – сказал он, подумав. – Только представьте: вы входите в страну вечных сумерек, там все холоднее и холоднее, и вот вы уже не можете идти, воздуха не хватает. Интересно, можно ли встать на самой границе, на дневной стороне, и заглянуть в ночь? Оттуда, пожалуй, удалось бы увидеть несколько звезд – ведь из дневного полушария их не видно. Конечно, если у них там высокая цивилизация, они изобрели водолазные костюмы, какие-нибудь подводные лодки на колесах, чтобы исследовать ночную сторону.

Глаза у него сияли, и хотя я думал только о том, как трудно мне с ним расставаться и как мало надежды встретиться, я тоже заразился от него восторгом и тягой к знанию. Но тут он снова обратился ко мне:

– Вы еще не знаете, в чем ваша роль.

– Разве я тоже лечу? – спросил я, содрогнувшись совсем иначе.

– Ну что вы, что вы! Вы должны упаковать меня сейчас и распаковать, когда я вернусь... если все обойдется.

– Упаковать вас? А, я и забыл про этот гроб! Как же вы собираетесь в нем путешествовать? Где двигатель? А воздух... еда, вода? Здесь едва хватит места для вас!

– Двигатель – сам Уарса Малакандры. Он просто доставит эту штуку на Венеру. Не спрашивайте! Я понятия не имею, как он действует. Существо, которое миллионы лет вращает целую планету, как-нибудь справится.

– Что вы будете есть? Как вам дышать?

– Он сказал, что мне не понадобится ни еды, ни воздуха. Видимо, жизнь моя на время полета замрет. Я не совсем понял. Это, в конце концов, его забота.

– А вы не боитесь? – спросил я и снова ощутил какой-то мерзкий ужас.

– Если вы спрашиваете, признает ли мой разум, что Уарса безопасно доставит меня на Переландру, я отвечу «да», – сказал Рэнсом. – Если же вас интересуют мои нервы и воображение, я, к сожалению, отвечу «нет». Мы верим в анестезию, и все-таки нам страшно, когда маска приближается к лицу. Я чувствую примерно то, что чувствует солдат под обстрелом, сколько бы он ни верил в будущую жизнь. Наверное, фронт был для меня хорошей практикой.

– Стало быть, я должен запереть вас в этой чертовой штуке? – спросил я.

– Да, – сказал Рэнсом. – Это во-первых. Когда взойдет солнце, мы спустимся в сад и поищем такое место, где не мешали бы ни дом, ни деревья. Пожалуй, капустная грядка подойдет. Я лягу, закрою глаза повязкой – эти стенки не защитят меня от солнечных лучей, когда мы выйдем в открытый космос, – а вы завинтите крышку. Потом, наверное, вы увидите, как эта штука взлетит.

– А еще позже?

– Вот в этом и сложность. Вы должны вернуться сюда, как только вам сообщат, чтобы снять крышку и выпустить меня, когда я вернусь.

– Когда же вы вернетесь?

– Не знаю. Через полгода, через год, через двадцать лет. То-то и плохо. Я возлагаю на вас тяжелую ношу.

– А если я умру?

– Значит, найдите себе преемника – конечно, теперь, не откладывая. У вас ведь есть человек пять друзей, на которых можно положиться.

– Как же мне сообщат?

– Уарса предупредит вас. Вы не беспокойтесь, это ни с чем не спутаешь. И еще одно – навряд ли я вернусь раненым, но на всякий случай, если вы найдете врача, которого можно посвятить в тайну, лучше бы захватить и его.

– Хэмфри годится?

– Да, вполне. А теперь – другое, частное дело. Понимаете, я не мог включить вас в свое завешание.

– Господи, Рэнсом, да я никогда об этом не думал!

– Конечно. Но мне хотелось бы что-нибудь вам оставить, а я не могу. Я ведь исчезну. Если я не вернусь, начнется расследование, чего доброго, заподозрят убийство. Надо быть осторожнее, ради вас. А теперь я хотел бы уладить с вами другие мои дела.

Мы сели рядом и долго говорили о делах, которые обычно обсуждают с родственниками, а не с друзьями. Я узнал о Рэнсоне многое, чего не знал прежде, и такое множество неудачников он поручил моей заботе («может, вам вдруг удастся что-нибудь для них сделать»), что я понял, как велико его милосердие и как он его скрывает. С каждым его словом тень предстоящей разлуки сгущалась, словно кладбищенский сумрак. Я с любовью подмечал его привычные жесты, обороты речи – то, что мы всегда видим в любимой женщине, но в друге замечаем только перед разлукой или в последние часы перед тяжелой, опасной операцией. Есть вещи, в которые разум поверить не может. Я не мог представить себе, что человек, сидящий так близко от меня, такой очевидный и осязаемый, через несколько часов станет недостижимым, превратится лишь в образ, а там – и в тускнеющий образ моей памяти. Наконец оба мы смутились – каждый угадывал, что чувствует другой. Стало совсем холодно.

– Скоро отправимся, – сказал Рэнсом.

– Да ведь он... ну, Уарса – еще не вернулся, – возразил я, хотя, по правде говоря, теперь, когда это подошло вплотную, мне хотелось поторопиться, чтобы все было позади.

– Уарса и не покидал нас, – ответил Рэнсом, – он все время был в доме.

– Что же, он просто ждет нас в той комнате?

– Он не ждет, они не знают, что это такое. Вы и я понимаем, что ждем, потому что у нас есть тело, оно устает. Кроме того, мы различаем работу и досуг, мы понимаем, что такое отдых. Уарса устроен иначе. Он был здесь много часов, но не ждал, не скучал. Нельзя же сказать, что чего-то ждет дерево или рассвет на склоне холма. – Тут Рэнсом зевнул. – Я устал, – сказал он. – И вы устали. Ну, я-то хорошенько выплусь в этом гробу. Идемте, пора собираться.

Мы вышли в соседнюю комнату, и Рэнсом велел мне встать перед безликим пламенем, которое не ждет, а только пребывает. Он как-то представил меня ему и был нам переводчиком, и я на своем языке поклялся служить ему в этом великом деле.

Потом мы сняли с окон затемнение и впустили в дом серое, пасмурное утро. Вместе вынесли мы в сад и ящик, и крышку – холод обжигал нам руки. Ноги я промочил в тяжелой росе, усыпавшей траву. Эльдил был уже в саду, на маленькой лужайке. При утреннем свете я едва мог его разглядеть. Рэнсом показал мне, как закрыть задвижки на крышке ящика, прошло еще несколько долгих минут, и он отправился в дом, а вернулся обнаженным. Высокий, белокожий, дрожащий от холода – просто чучело какое-то, – он опустился в свой ужасный ящик и протянул мне плотную черную повязку, чтобы я закрыл ему лицо. Потом он улегся. Я уже не думал о Венере и не верил, что он вернется. Если бы я посмел, я бы заставил его одуматься; но здесь был Другой – существо, не ведавшее ожидания, – и я боялся. До сих пор вижу я в страшном сне, как закрываю ледяной крышкой гроб, где лежит живой человек, и отступаю назад. Я остался один. Я не видел, как он улетел. Я убежал в дом, мне стало плохо. Через несколько часов я закрыл дом и вернулся в Оксфорд.

Прошли месяцы, и год прошел, и несколько месяцев сверх года. Были бомбежки, и дурные вести, и гибель многих надежд. Земля преисполнилась тьмы и злобы – и тогда, в одну из ночей, Уарса явился за мной. Мы с Хэмфри выехали поскорее, толкались в переполненном поезде, встречали рассвет на холодной станции, ожидая пересадки, и наконец ясным утром добрались до маленького, заросшего сорняками клочка земли, который прежде был садом Рэнсома. Черная точка появилась напротив Солнца; тот же ледяной ящик проскользнул между нами в полной тишине. Едва он коснулся земли, мы бросились к нему и сорвали крышку.

– Господи! Он разбился! – вскричал я, заглянув внутрь.

– Погодите, – остановил меня Хэмфри.

Человек, лежавший в гробу, пошевелился, сел, стряхнул с лица и плеч ту алую массу, которую я было принял за раны и кровь, – и я увидел, как ветер подхватывает и разносит лепестки цветов. Он поморгал, назвал каждого из нас по имени, пожал нам руки и ступил на траву.

– Как дела? – спросил он. – Что-то вы плохо выглядите.

Я замер, дивясь тому новому Рэнсому, который вышел на свет из тесного ящика. Он был силен и здоров, он словно помолодел на десять лет. Два года назад он начинал сесть, а сейчас борода, спускавшаяся ему на грудь, отливала золотом.

– Да вы порезали ногу, – сказал Хэмфри.

Тут и я заметил, что из пятки у него идет кровь.

– Однако и холодно у вас, – сказал Рэнсом. – Надеюсь, воду согрели? Хорошо бы принять душ и одеться.

– Хэмфри обо всем позаботился, – сказал я, провожая его в дом. – Меня бы на это не хватило.

Рэнсом забрался в ванну, оставив дверь приоткрытой, клубы пара окутывали его, а мы переговаривались с ним из прихожей. У нас накопилось столько вопросов, что он не успевал отвечать.

– Скъяпарелли ошибся, – кричал он, – там есть и день, и ночь, как у нас. Пятка не болит... нет, вот сейчас заболела. Да любую старую одежду... ага, положите на стул. Нет, спасибо. Я не хочу ни яиц, ни бекона. Фруктов нет? Не важно, поем хлеба или каши. – И наконец он крикнул: – Выхожу!

Он все спрашивал, здоровы ли мы, – ему почему-то казалось, что мы плохо выглядим. Я отправился за завтраком, Хэмфри задержался, чтобы осмотреть ранку на ноге. Он присоединился ко мне, когда я любовался алыми цветами.

– Красивый цветок, – сказал я, протягивая его Хэмфри.

– Да, – ответил Хэмфри, рассматривая его и ощупывая с жадностью натуралиста. – А нежный какой! Наша фиалка против него сорняк.

– Поставим их в воду.

– Не стоит. Они уже почти завяли.

– Как он там?

– Отменно. Только вот пятка мне не нравится.

– Он говорит, кровь идет очень давно.

Тут пришел и Рэнсом, совсем одетый, и я разлил чай. Весь день и почти всю ночь он рассказывал нам ту историю, к которой я теперь приступаю.

Глава III

Рэнсом так и не объяснил нам, на что было похоже путешествие в летающем гробу. Он сказал, что это невозможно. Но странные намеки прорывались в разговорах на совсем другие темы.

Получалось, он был как бы без сознания, однако что-то с ним происходило, что-то он чувствовал. Однажды кто-то из нас сказал, что надо «повидать жизнь», то есть побродить по миру, поглядеть на людей, а Б. (он антропософ) возразил: надо видеть жизнь совсем в другом смысле. Вероятно, он имел в виду какую-то систему медитации, при которой «сама жизнь предстает внутреннему взору». Во всяком случае, когда мы втянули его в длинный спор, Рэнсом признался, что и для него это значит что-то вполне определенное. Его так прижали, что он сознался: жизнь казалась ему тогда, в полете, чем-то «объемным и твердым». Его спросили, какого она цвета, но он странно взглянул на нас и пробормотал: «Вот именно, какого цвета! – И все испортил, добавив: – Да это и не цвет. Мы бы не назвали это цветом», после чего не раскрывал рта до конца вечера. В другой раз наш друг, шотландец Макфи, приверженец скептицизма, громил христианское учение о воскресении тел. Я подвернулся ему под руку, и он донимал меня вопросами вроде: «Значит, у вас будут и зубы, и глотка, и кишки, хотя там нечего есть? И половые органы, хотя там нельзя совокупляться? Да уж, повеселитесь!» И тут Рэнсом взорвался: «Нет, какой осел! Вы что, не видите разницы между сверхчувственным и бесчувственным?» Макфи, само собой, переключился на него; и тут выяснилось, что, по мнению Рэнсома, нынешние желания и возможности тела исчезнут не потому, что они атрофируются, а потому, что они будут «поглощены». Сперва он говорил о «поглощении» пола, потом стал искать подходящее слово для нового отношения к еде (отбросив транс- и парагастрономию), и, поскольку не он один был филологом, все стали искать такие термины. Но я уверен, что он испытал что-то в этом роде на пути к Венере. А самым загадочным, пожалуй, было вот что: однажды, расспрашивая его – он редко мне это позволял, – я неосторожно заметил: «Конечно, все было слишком смутно, этого не передашь словами», – и он меня резко перебил, хотя вообще он человек на редкость терпеливый. Он сказал: «Нет, это слова расплывчатые. Я не могу ничего описать, потому что все было слишком четким и определенным». Вот и все, что я могу рассказать вам о самом полете. Одно ясно – он изменился гораздо больше, чем после Марса. Но, может быть, тому причиной события, произошедшие уже на самой Венере.

Теперь я перейду к тому, что Рэнсом мне рассказал. Видимо, он пробудился от того неопишуемого состояния и почувствовал, что падает, – значит, он уже приблизился к Венере настолько, что она стала для него «низом». Один бок у него замерз, другому было слишком жарко, но ни то ни другое ощущение не причиняло боли. Вскоре он вообще об этом забыл – снизу сквозь полупрозрачные стенки сочился изумительный белый свет. Он все нарастал, начал беспокоить, несмотря на защищавшую глаза повязку. Конечно, это светилось альбедо – внешний слой очень густой атмосферы, отражающий и усиливающий солнечные лучи. Почему-то – в отличие от Марса – вес его вроде бы не увеличился. Едва белое свечение стало почти невыносимым, оно исчезло, а жар и холод сменились ровным теплом. Вероятно, он вошел во внешние слои атмосферы – сперва в бледные, потом в цветные сумерки. Насколько он различал сквозь прозрачные стенки, главным цветом был золотой или медный. К этому времени он был совсем низко, ящик спускался стоймя, словно лифт, под прямым углом к поверхности. Падать вот так, беспомощно, когда не можешь пошевелить рукой, было страшно. Вдруг он попал в зеленую тьму, пронизанную неясным шумом – первым звуком из нового мира. Стало холодно. Он снова лежал и, к великому своему удивлению, двигался уже не вниз, а вверх – сперва он принял это за обман воображения. Видимо, уже давно, сам того не замечая, он пытался пошевелить рукой или ногой и только теперь увидел, что стены его темницы поддаются. Он уже

мог двигать руками и ногами, хотя и застревал в чем-то мягком. Куда он попал? Ощущения были очень странные. То его несло вверх, то вниз, то по какой-то зыбкой поверхности. Мягкая материя была белая, ее становилось все меньше... какое-то облако в форме ящика, совсем не плотное. Вдруг он с ужасом догадался, что это и есть ящик – тот испаряется, исчезает, а за ним проступает невообразимая мешанина красок, пестрый многообразный мир, где вроде бы нет ничего устойчивого. Ящик исчез. Что ж, значит, доставили – выбросили – покинули. Он – на Переландре.

Сперва он разглядел только какую-то перекосившуюся поверхность, словно на неудавшемся снимке. Странный откос маячил перед ним лишь мгновение, сменился другим, два откоса столкнулись, гора взлетела вверх, обрушилась и разровнялась. Потом поверхность превратилась в край большого сверкающего холма, и холм этот устремился навстречу Рэнсому. Он снова почувствовал, что поднимается, и поднимается все выше, к золотому куполу, заменявшему небо. Он достиг вершины, но успел лишь глянуть в огромный дол, простирившийся под ним, – сияющий, зеленый, словно трава, с мраморными пятнами пены, – и вновь он падал вниз, пролетая милю в две минуты. Наконец он ощутил блаженную прохладу, в которую погружено его тело, и понял, что ноги ни во что не упираются, а он, сам того не зная, плывет. Он мчался верхом на океанском гребне, лишенном пены, холодном и свежем после небесной жары, хотя, по земным понятиям, вода была совсем теплая, словно в песчаном заливе где-нибудь в тропиках. Мягко съезжая с высокого гребня и поднимаясь на новую гору, Рэнсом нечаянно хлебнул воды – она оказалась несоленой, пригодной для питья, но не такой безвкусной, как наша пресная. До тех пор он не чувствовал жажды, но тут ему стало приятно, да так, словно он впервые узнал само удовольствие. Он погрузил разгоряченное лицо в зеленую светлую воду, а когда снова поднял голову, опять был на гребне высокой волны.

Земли нигде не было. Небо было чистое, ровное, золотое, как средневековая картина. Оно казалось очень высоким – такими высокими видятся с Земли серебристые облака. Океан тоже был золотым, но его испещряли тени, и вершины волн, зажженные небесным светом, казались золотыми, но склоны были зеленые, сперва прозрачные, а понизу – бутылочные, и даже синие в тени других волн.

Все это Рэнсом увидел в одно мгновение – и покатился вниз. Он как-то перевернулся на спину. Теперь он глядел на золотую крышу этого мира. В небе быстро сменялись дрожащие отблески более бледных цветов – так бегут блики по потолку ванной, когда в солнечный день вы ступаете в воду. Рэнсом понял, что это – отражение несших его волн. На Венере, планете любви, эти блики можно видеть почти каждый день. Царица морей созерцает себя в небесном зеркале.

И вновь он на гребне, земли все не видно. Далеко слева плотные облака – или корабли? Вниз, вниз, снова вниз – конца этому нет. На сей раз он ощутил, какой здесь расплывчатый свет. Такая теплая вода, такое славное купание на Земле бывает только при ярком свете солнца. Но здесь все иначе. Вода сияла, небо горело золотом, но все это смягчала и окутывала дымка – он любовался этим светом, не шурясь. Сами цвета – зелень, золото, – которыми он назвал те краски, слишком резки, жестки для нежного, изменчивого сияния, для этого теплого, матерински ласкового мира. Да, мир тут теплый, как летний полдень, прекрасный, словно заря, и по вечернему кроткий. Этот мир прекрасен – так прекрасен, что Рэнсом глубоко вздохнул.

На этот раз он испугался нависшей над ним волны. Мы на Земле болтаем о «волнах величиной с гору», хотя этим волнам не под силу перехлестнуть и мачту. А вот тут и вправду была морская гора. На суше ушел бы почти весь день, чтобы забраться на такую вершину. Волна вобрала Рэнсома и вознесла его ввысь за несколько секунд. Но, еще не достигнув вершины, он вскрикнул в испуге: на самом вершине волны его ждала не гладкая поверхность, а какой-то фантастический гребень – странные, громоздкие, неуклюжие и острые выступы, вроде бы даже не жидкие. Что это, пена? Скалы? Морские чудовища? Гадать ему было некогда – он столкнулся

с этим, невольно закрыл глаза и снова почувствовал, что летит вниз. Что бы это ни было, оно позади. Но ведь что-то было, оно ударило его по лицу. Он ощупал лицо; крови не было. Значит, он столкнулся с чем-то мягким, оно не поранило, только хлестнуло, и то потому, что он мчался слишком быстро. Он вновь повернулся на спину – к этому времени очередной гребень уже поднял его вверх на несколько тысяч футов. Глубоко под ним на миг открылась долина, и он увидел что-то неровное в изгибах и впадинах, разноцветное, вроде лоскутного одеяла, изумрудное, ярко-желтое, оранжевое, розовое, голубое. Что это, Рэнсом понять не смог. Во всяком случае, оно плавало – поднялось на гребень соседней волны и теперь, миновав вершину, скрылось. Оно плотно, словно кожа, прижималось к поверхности воды, изгибаясь и искривляясь вместе с ней. Поднимаясь на гребень, оно принимало форму волны, так что какое-то мгновение Рэнсом еще видел одну половину, а другая уже соскользнула по ту сторону гребня. Словом, эта штука вела себя так, как вела бы циновка, которая движется вместе с водой и сморщивается, когда вы гребете мимо и по воде идет рябь. Только размеры тут были посущественней, акров тридцать.

Наши слова слишком медлительны – вы, наверное, уже и не ощущаете, что Рэнсом в нашем рассказе пробыл на Венере не более пяти минут. Он не успел устать и не начал тревожиться, как ему выжить в этом мире. Он вполне доверял тем, кто отправил его сюда, а пока что свежесть воды и свободные движения тела сами по себе были удовольствием, и удовольствием новым – я уже пытался указать на одну особенность этого мира, которую так трудно передать словами: каким-то образом удовольствие испытывал он весь, впитывал всеми своими чувствами. Придется назвать это удовольствие «крайним», а то и «чрезмерным»; ведь сам Рэнсом говорит, что в первые дни на Переландре он не то чтобы стыдился, но все же удивлялся, почему он стыда не чувствует, – каждый миг доставлял здесь такое большое и необычайное удовольствие, какое, по земным меркам, связано либо с запретными, либо уж с очень странными утехами. И все же этот мир был не только нежным и сладостным, он был и сильным, и грозным. Едва плавающая штука исчезла из виду, как в глаза Рэнсому хлынул невыносимо резкий свет. Свет был темно-синий, небо на его фоне потемнело, и в тот же миг Рэнсому удалось разом увидеть большее пространство, чем видел он до сих пор. Он увидел бесконечную пустыню волн и далеко-далеко, на краю этого мира, у самого неба – одинокую призрачно-зеленую колонну. Только она была вертикальной, устойчивой, неподвижной в этой череде изменчивых холмов. Затем на небо вернулся богатый красками сумрак – теперь, после вспышки света, он скорее походил на тьму – и донесся раскат грома. Звучал он совсем иначе, нежели земной гром, – глубже, богаче, даже словно бы звонче. Небо здесь не ревело – оно хохотало, веселилось. Рэнсом увидел еще одну молнию, потом еще одну, и ливень обрушился на него. Между ним и небом встали огромные лиловые тучи, и тут же сразу хлынул невиданный дождь – не капли и не струи – сплошная вода, чуть менее плотная, чем в океане, он едва мог дышать. Молнии сверкали непрерывно, и при их свете Рэнсом видел совсем иной мир. Он словно попал в самый центр радуги или в облако многоцветного пара. Вода, вытеснившая воздух, обратила и море, и небо в прозрачный хаос, наполненный вспышками и росчерками молний. Рэнсом почти ослеп и немного испугался. При свете молний он видел, как и прежде, безбрежное море и неподвижный зеленый столб на краю света. Земли не было нигде – ни признака земли от горизонта до горизонта.

Грохот грома оглушал его, все трудней становилось дышать. С неба вместе с дождем сыпались какие-то странные штуки, вроде бы живые. Они были похожи на лягушат, но очень изящных и нежных – просто высшая раса лягушек, – они пестрели, словно стрекозы, но Рэнсому некогда было их разглядывать. Он уже устал, особенно от буйства красок. Он не знал, как долго все это длилось, а когда снова смог наблюдать, волнение уже успокаивалось. Ему показалось, что он достиг границы морских гор и глядит с последней горы в спокойную долину. Однако до этой долины он добрался нескоро: то, что по сравнению с теми, первыми волнами,

казалось спокойным морем, на самом деле, когда он достиг этого места, обернулось пусть меньшими волнами, но все же немалыми. Вокруг плавало много тех странных плавучих штук. Издали они казались цепью островов, вблизи больше походили на флот – тем более что им приходилось преодолевать сопротивление волн. Все же шторм успокаивался, дождь утих. Волны были теперь не выше, чем в Атлантическом океане. Радуга ослабела, стала прозрачнее, и сквозь нее тихо проглянуло золотое небо – золото проступило вновь во всю ширь, от горизонта до горизонта. Еще меньше стали волны. Теперь он дышал свободно. Но он уже по-настоящему устал; непосредственные впечатления отступили, освободилось место для страха.

Одна из плавучих заплат скользила по волне в сотне ярдов от Рэнсома. Он следил за ней с большим интересом, надеясь взобраться на один из плавучих островов и отдохнуть. Он испугался, что эти острова окажутся просто кучей водорослей или кронами подводных деревьев, которым не выдержать его веса. Но не успел он додумать эту мысль, как тот самый остров, на который он смотрел, поднялся на гребне волны, и Рэнсом смог разглядеть его на фоне неба. Он не был ровным, с рыжевато-коричневой поверхности поднимались вверх какие-то столбики самой разной высоты, и легкие, и громоздкие, темные на мягком сиянии золотого неба. Все они накренились в одну сторону, когда островок изогнулся, переползая гребень волны, и вместе с островом исчезли из виду. Тут же в тридцати ярдах от Рэнсома появился другой остров, этот плыл в его сторону. Рэнсом поспешил к нему, чувствуя, как ослабели и почти болят руки, – и впервые испугался по-настоящему. Приблизившись к острову, он разглядел вокруг него бахрому несомненно растительного происхождения – остров тащил за собой темно-красный хвост из пузырей, трубочек и переплетающихся шнуров. Рэнсом попытался за него ухватиться, но он был еще не так близко. Он поплыл скорее, еще скорее – остров уходил от него, удаляясь со скоростью десяти миль в час. Снова ухватился он за какие-то тонкие красные нити, но они выскользнули, едва не порезав ему руку. Тогда он рванулся в самую гущу водорослей, слепо пытаясь ухватиться за все, что болталось перед ним, и попал в какое-то густое варево – трубочки булькали, пузыри то и дело взрывались. Потом руки нащупали что-то покрепче, вроде очень мягкой древесины. Наконец, еле дыша, оцарапав колено, он упал на пружинившую под ним поверхность, приподнялся, прополз немного вперед. Да, теперь бояться было нечего – эта земля держала его, здесь он был в безопасности.

Наверное, он довольно долго пролежал на животе, ничего не делая и ни о чем не беспокоясь. Во всяком случае, к тому времени, когда он вновь поднял голову и стал замечать, что его окружало, он вполне отдохнул. Лежал он на сухой земле, покрытой чем-то вроде вереска, только медного цвета. Он рассеянно потрогал это – верхняя часть крошилась, как сухая земля, но сразу под хрупкой поверхностью он нащупал туго переплетенные нити. Он перевернулся на спину. Что-то пружинило, сопротивлялось, и гораздо сильнее, чем эластичный вереск, словно весь остров – вроде матраса, покрытого растительным ковром. Снова повернувшись, Рэнсом посмотрел в глубь острова. То, что он увидел, сперва было похоже на обычный кусок земли: длинная долина, внизу – бронзовая, по бокам защищенная холмами, на которых рос многоцветный лес. Но едва он взглянул на эту равнину, как она, прямо перед ним, превратилась в медный склон, и многоцветный лес заструился вниз по этой новой горе. Он был к такому готов, но в первый миг зрелище все же потрясло его. Ведь долина сперва показалась ему нормальной – он забыл, что он плывет, что плывет весь остров с горами и долинами, которые каждую минуту меняются местами, так что карту высот и впадин можно изобразить только на киноплёнке. Таковы плавучие острова Переландры – фотография, обедняя краски, исключая вечную смену форм, явила бы нам что-то похожее на земной пейзаж, но на самом деле острова совсем другие: поверхность их суха и плодородна, как твердая земля, а форма все время меняется вместе с водой, по которой они плывут. К этому трудно привыкнуть, с виду они так похожи на обычную землю. Разумом Рэнсом уже все понял, но ни мускулы, ни нервы привыкнуть не могли. Он встал – сделал несколько шагов под гору – и растянулся на животе. Поверхность

острова была мягкой, он не ушибся, поднялся... – и увидел перед собой уже подымающийся холм... шагнул... снова упал. Напряжение, сжимавшее его с той минуты, как он прибыл на Переландру, наконец отпустило, и он рассмеялся. Хохоча, как школьник, катался он по мягкой поверхности своего острова.

Наконец он успокоился. Часа два он учился ходить. Это оказалось потруднее, чем ходить по палубе, – в любую качку сама палуба, по крайней мере, остается ровной. Ходить по этому острову – все равно что ходить по воде. Несколько часов потребовалось ему, чтобы отойти от края острова на сотню ярдов, и он был горд, когда сумел пройти подряд целых пять шагов – раскинув руки, сгибая колени, боясь потерять равновесие. Напряженное тело дрожало, словно он учился ходить по канату. Пожалуй, он скорее научился бы, если бы падать было не так мягко и приятно, а упав, он долго лежал, глядя вверх, на золотой купол, и впитывал спокойный, не умолкающий шорох воды, тонкие запахи трав. А как забавно, скатившись в небольшую впадину, открыть глаза и оказаться на вершине главной горы всего острова, откуда, словно Робинзон, он мог смотреть вниз на поля и леса! Ему хотелось посидеть так еще несколько минут, но остров вновь увлекал его вниз, горы и долины стирались, превращаясь в одну большую равнину.

Наконец он добрался до леса. Здесь были какие-то кусты, высотой с крыжовник, цветом напоминавшие водоросли. Над кустами высились деревья, серые и лиловые, а густые ветви образовали крышу над головой, золотую, серебряную и синюю. Здесь он мог опираться о стволы, идти стало легче. И запахи здесь были необычные – нельзя просто сказать, что они пробудили в нем голод или жажду, скорее они превратили голод и жажду в какое-то новое чувство, которое из тела проникало в душу, не тревожа, а радуя ее. То и дело он останавливался, упирался руками в ствол и вдыхал благоухание – здесь даже это казалось каким-то священным обрядом. Лес все время менялся, и его разнообразия хватило бы на дюжину земных пейзажей: то ровный край, где деревья стоят вертикально, как башни, то провал, где должна бы течь лесная река, то лес бежит вниз по склону, то оказывается на вершине горы и между стволами можно увидеть океан. В тишине звучал только размеренный голос волн. Ощущение одиночества стало здесь более ясным, но к нему не примешивалась тревога – может быть, романтическое уединение необходимо для того, чтобы впитать все неземные чудеса. Рэнсом боялся лишь самого себя – иногда ему казалось, что здесь, на Переландре, есть что-то непостижимое и невыносимое для человеческого разума.

Он добрался до той части леса, где с деревьев свисали большие желтые шары, по форме, да и по размеру, напоминавшие воздушный шар. Он сорвал один, покрутил – кожура была гладкая и твердая, он никак не мог ее надорвать. Вдруг в каком-то месте его палец проткнул кожуру и ушел глубоко в мякоть. Подумав, он попробовал глотать из отверстия. Он собирался сделать самый маленький глоток, для пробы, но вкус плода тут же избавил его от всякой осторожности. Это был именно вкус – точно так же, как голод и жажда были именно голодом и жаждой, – и он настолько отличался от любого земного «вкуса», что само это слово казалось пустым. Ему открылся новый род удовольствий, неведомых людям, непривычных, почти невозможных. За каплю этого сока на Земле правитель изменил бы народу и страны бы начали войну. Объяснить, определить этот вкус, вернувшись на Землю, Рэнсом не мог – он не знал даже, сладкий он был или острый, солоноватый или пряный, резкий или мягкий. «Не то... не то...» – только и отвечал на все наши догадки. А тогда он уронил пустую кожуру и собирался взять второй плод, но вдруг почувствовал, что не хочет ни пить, ни есть. Ему просто хотелось еще раз испытать наслаждение, очень сильное, почти духовное. Разум – или то, что мы называем разумом, – настоятельно советовал отведать еще один плод, ведь удовольствие было детски невинным, а он уже столько пережил и не знал, что его ждет. И все же что-то противилось разуму. Что именно? Трудно предположить, что сопротивлялось чувство – какое же чувство, какая воля отвернется от такого наслаждения? Но почему-то он ощущал, что лучше не трогать второй

плод. Быть может, то, что он пережил, так полноценно, что повторение только оплошало бы его. Нельзя же слушать два раза подряд одну и ту же симфонию. Так он стоял, дивясь, как часто там, на Земле, стремился к удовольствию по велению разума, а не по велению голода и жажды. Тем временем свет стал меняться – позади становилось темнее, впереди сияние неба и моря тоже стало не таким ярким. На Земле он выбирался бы из лесу не больше минуты; здесь, на колеблющемся острове, это заняло несколько минут, и когда он вышел на открытое место, он увидел поистине фантастическое зрелище.

В течение дня золотое небо совершенно не менялось, и он не угадал бы, где именно солнце. Но сейчас половина неба была озарена. Солнца он по-прежнему не мог разглядеть, но, опираясь на океан, встала арка зеленого света – Рэнсом не глядел на нее, блеск слепил глаза, а над зеленой дугой до самого неба поднимался многоцветный веер, раскрытый, словно хвост павлина. Море успокоилось, с поверхности вод к небу поднимались утесы и странные, тяжелые клубы синего и красного пара, а легкий, радостный ветер принялся играть волосами Рэнсома. День угасал, волны становились все ниже, и наконец вправду наступила тишина. Он сидел, поджав ноги, на берегу острова, как одинокий царь посреди всего этого великолепия. Впервые он подумал, что попал, быть может, в необитаемый мир, но тревога только усилила, обострила блаженство.

И вновь он удивился тому, чего мог ожидать: он провел весь день обнаженным, среди летних плодов, на мягкой и теплой траве – а теперь должен был наступить мягкий и серый летний вечер. Но прежде чем фантастические краски померкли на западе, восток уже стал глухо-черным. Еще несколько мгновений, и тьма покрыла западную половину неба. Красноватый свет чуть помедлил в зените, и Рэнсом успел отползти к лесу. Как говорится, «было так темно, что ни зги не видно». Едва он добрался до деревьев и лег, наступила ночь – непроглядная тьма, больше похожая не на ночь, а на погреб для угля. Он мог поднести к лицу руку и все же не разглядеть ее. Эта неизмеримая, непроницаемая тьма просто давила ему на глаза. Не было ни луны, ни звезд на прежде золотом небе, но и во тьме было тепло. Он различал новые запахи. Размеры у этого мира исчезли, остались лишь границы собственного тела да клочок травы, на котором он лежал, мягко покачивающийся гамак. Ночь укрыла его своим одеялом, избавила от одиночества. Так спокойно он мог бы заснуть в своей комнате на Земле. И сон пришел к нему – упал, как падает созревший плод, едва тронешь ветку.

Глава IV

Когда Рэнсом проснулся, с ним произошло то, что может случиться с человеком разве что в чужом мире: он явь принял за сон. Открыв глаза, он увидел причудливое, как на гербе, дерево с золотыми плодами и серебряными листьями. Корни ярко-синего ствола обвивал небольшой дракон, чешуя его отливала червонным золотом. Несомненно, это был сад Гесперид.

«Какой яркий сон», – подумал Рэнсом и понял, что уже не спит.

Но покой и причудливость сна продолжались в этом видении, и ему не хотелось окончательно просыпаться. Он вспоминал, как совсем в другом мире – древнем, холодном мире Малакандры – он повстречал прототип Циклопа, великана-пастуха, обитателя пещер. Может ли быть, что земные мифы рассеяны по другим мирам и здесь они – правда?

Тут он подумал: «Да ты совсем один, голый, беспомощный, в чужом мире, а это животное может оказаться опасным», – но не испугался. Он знал, что земные хищники в космосе – исключение, и он находил ласковый прием у куда более странных существ. На всякий случай он остался лежать, потихоньку рассматривая дракона. Тот был похож на ящерицу, ростом с сенбернара, с чешуйками на спине. Дракон смотрел на него.

Рэнсом приподнялся на локте. Дракон все глядел на него. Теперь Рэнсом ощутил, что земля под ним – совершенно ровная. Тогда он сел и увидел между стволами спокойное, неподвижное море. Океан превратился в позолоченное стекло. Рэнсом снова взглянул на дракона. Может ли он быть разумной тварью – хнау, как говорят на Марсе, – той самой, для встречи с которой он и послан? Не похоже, но попробовать надо. Рэнсом произнес первую фразу на старосолярном, и собственный голос показался ему чужим.

– Незнакомец, – сказал он, – я послан в ваш мир из Глубоких Небес слугами Малельдила. Примешь ли ты меня?

Дракон уставился на него – пристально и, быть может, мудро. Потом он прикрыл глаза. Рэнсому это не очень понравилось. Он решил встать. Дракон глаза открыл. С полминуты Рэнсом глядел на него, не зная, как быть дальше. Потом он увидел, что дракон медленно разворачивается. Стоять было трудно, но что поделаешь – разумно это существо или нет, от него не убежать. Дракон отлепился от дерева, встряхнулся и развернул два блестящих сине-золотых крыла, похожих на крылья летучей мыши. Он встряхнул ими, снова сложил их, снова уставился на Рэнсома и – то ползком, то как-то ковыляя – направился к берегу. Там он сунул в воду вытянутую металлически блестящую морду, напился, вновь поднял голову и довольно мелодично, хотя и хрипловато, заблеял. Потом он обернулся, опять взглянул на Рэнсома и направился к нему.

«Просто глупо его ждать», – нашептывал здравый смысл, но Рэнсом, сцепив зубы, остался стоять.

Дракон подошел и ткнулся холодным носом ему в колени. Рэнсом совсем растерялся: может быть, дракон разумен и это его речь? А может, ищет ласки – но как его приласкать? Попробуйте-ка погладить такое чешуйчатое существо! А что как оно просто чешется о его колени? И тут дракон вроде бы забыл о Рэнсоне, внезапно, как бывает у животных, отошел и принялся с жадностью есть траву. Чувствуя, что честь удовлетворена, Рэнсом повернул в лес.

С деревьев свешивались плоды, которых он уже отведал на Переландре, но внимание его привлекло что-то странное чуть впереди. В темной листве серо-зеленых зарослей что-то сверкало. Сперва ему показалось, что это похоже на оранжерею, освещенную солнцем; когда же пригляделся, он увидел, что стекло как бы движется, словно какая-то сила вбирает и выпускает свет. Он пошел вперед, чтобы выяснить, что же там происходит, как вдруг что-то холодное прикоснулось к его левой ноге. Дракон шел за ним. Он тыкался в него носом и ластился к нему. Рэнсом ускорил шаги – дракон тоже; он остановился – и дракон остановился. Он снова пошел

вперед, дракон неотступно следовал за ним, и так близко, что бок его то и дело прижимался к бедру Рэнсома. Порой он даже наступал ему на ногу холодной и тяжелой лапой. Рэнсому все это не нравилось, и он уже подумывал, как бы положить этому конец, как вдруг его отвлекло открывшееся перед ним зрелище. Над его головой с мохнатой ветви свисал огромный шар, полупрозрачный и сияющий. Шар вбирал и отражал свет, а по окраске был похож на радугу. Значит, это и было то «стекло», которое ему померещилось в лесу. Оглядевшись, Рэнсом увидел множество таких же шаров. Он стал рассматривать один шар – сперва ему казалось, что тот подвижен, потом он понял, что нет. Вполне естественно, он поднял руку и коснулся его. В ту же минуту голову его, и руки, и плечи обдал ледяной душ – ну, хотя бы холодный в таком теплом мире, – и он ощутил пронзительный, дивно-прекрасный запах, который напомнил ему строку из Поупа о розе: «благоуханной смертью умирает». Душ освежил его, и ему показалось, что до сих пор он толком и не проснулся. Открыв глаза (ведь он невольно зажмурился, когда хлынула вода), он увидел, что все цвета стали ярче и насыщенней, будто развеялась дымка, окутывавшая этот мир. Чары овладели им снова. Золотой дракон у его ног не был уже ни опасным, ни назойливым. Если нагой человек и мудрый дракон – единственные обитатели плавучего рая, все правильно; ведь сейчас ему казалось, что это – не приключение, а воплощенный миф, а сам он – один из персонажей неземной истории. Куда как лучше!

Он снова повернулся к дереву. Плода, обдавшего его водой, уже не было. Ветка, похожая на тубик, заканчивалась не шаром, а маленьким дрожащим устьищем, из которого выдавилась кристаллическая капелька. Рэнсом растерянно огляделся: в роще было еще много радужных плодов, и он вновь уловил какое-то движение. Теперь он знал его причину: все эти сияющие шары понемногу росли и тихо лопались, оставляя на земле влажное пятно, которое быстро высыхало, а в воздухе – прохладу и тонкий дивный запах. Собственно, это были не плоды, просто пузыри; а пузырчатые деревья (так он решил их назвать) качали воду из океана. Вода выходила наружу в форме шара, окрасившись соком, пока она шла по дереву. Рэнсом уселся, чтобы насладиться зрелищем. Теперь, когда он понял тайну леса, он мог объяснить, почему тот не похож на все остальное. Если внимательно следить за пузырем, можно было увидеть, как из устьища появляется обычная почка размером с грушу, надувается и наконец лопается; но если воспринять лес как целое, ощутишь только легкую игру света, слабый звук, нарушавший тишину Переландры, и свежесть, прохладу, влажность здешнего воздуха. По земным понятиям, здесь человек был «на воздухе» больше, чем в любом другом месте, даже у моря. Над головой Рэнсома повисла целая гроздь пузырей. Он мог бы подняться и окунуться в них, еще раз принять волшебный прохладный душ, только раз в десять сильнее. Но что-то удержало его, то самое, что помешало ему вчера попробовать второй плод. Он недолюбливал людей, вызывающих певца на бис («Ну это же все портит!» – объяснял он). Сейчас ему показалось, что это бывает не только в театре и значит немало. Люди снова и снова требуют чего-то, словно жизнь – это фильм, который можно крутить заново и даже задом наперед. Уж не здесь ли корень всех зол? Нет, корень зол – сребролюбие... Но ведь и деньги мы ценим потому, что они защищают от случайности, позволяют снова и снова получать одно и то же, удерживают кинолентку на месте.

Тут ему пришлось прервать размышления: что-то тяжелое навалилось ему на ноги. Дракон улегся и положил ему на колени длинную тяжелую голову.

– Знаешь, – сказал он дракону по-английски, – ты мне, однако, очень надоел.

Дракон не шевельнулся. Тогда он решил как-то с ним поладить, провел рукой по жесткой голове, но загадочный зверь не откликнулся. Рука скользнула ниже, нащупала мягкое место, просвет в чешуе. Ага! Ему нравится, когда его здесь чешут. Дракон удовлетворенно заворчал и, высунув длинный и толстый серовато-черный язык, лизнул ласкавшую его руку. Потом он опрокинулся навзничь, подставляя почти белое брюхо, и Рэнсом принялся чесать его пальцами ног. Отношения складывались неплохие, и дракон наконец заснул.

Тогда Рэнсом поднялся и еще раз принял душ под Пузырчатым деревом. Теперь он совсем проснулся, ему захотелось есть. Он забыл, где видел вчера желтые плоды, и отправился их искать. Идти почему-то было трудно, он даже подумал, не могли ли пузыри одурманить его, но, приглядевшись, понял, в чем дело: равнина, покрытая медным вереском, поднялась прямо на глазах, превратилась в холм, а тот покатился к нему. Он вновь застыл на месте, все еще изумляясь, что земля катится к нему, будто волна, зазевался – и упал. Поднявшись, он пошел осторожнее. Теперь он уже не сомневался: море разыгралось. Две соседние рощи отбежали к разным склонам горы, и в просвете между ними Рэнсом увидел колеблющуюся воду, да и ветер уже ерошил ему волосы. Покачиваясь, он направился к берегу, но по дороге ему встретились какие-то кусты с зелеными овальными ягодами, раза в три больше, чем миндаль. Он сорвал одну, разломил – она была суховата, вроде хлебной мякоти или банана, и довольно вкусна. Тут не было поразительного, почти избыточного наслаждения, как в желтых плодах, просто удовольствие, как от обычной пищи, – поешь и сыт, «спокойное и трезвенное чувство». Так и казалось – во всяком случае, Рэнсому казалось, – что над такой едой надо прочесть благодарственную молитву; и он прочитал ее. Желтые плоды требовали оратории или мистического созерцания. Но и в этой еде оказались неожиданные радости: порой попадался плод с ярко-красной сердцевинкой, и такой вкусный, такой особенный, что Рэнсом готов был ничего другого и не есть и стал выискивать эти ягоды, но в третий раз тут, на Переландре, «внутренний голос» воспретил ему.

«А на Земле, – думал он, – уж придумали бы, как выводить такие, красные, и они стоили бы гораздо дороже других».

Да, деньги помогают вызвать на бис, и так громко, что никто не смеет послушаться.

Он поел и пошел вниз, к берегу, чтобы запить ягоды, но прежде, чем он добрался до моря, ему пришлось идти вверх. Остров изогнулся, превратился в светлую долину между двумя волнами, и когда Рэнсом лег на живот и вытянул губы, чтобы напиться, он удивился, что пьет из моря, которое выше берега. Потом он немного посидел на берегу, шевеля ногами красные водоросли, окаймлявшие этот кусок земли. Его все больше удивляло, что здесь никого нет. Зачем его отправили сюда? На миг пришла в голову дикая мысль – а вдруг этот необитаемый мир создан для него, чтобы он стал основателем, первопроходцем? Странно, что долгое одиночество почти не тревожило его. А как испугала его в свое время одна только ночь на Малакандре! Подумав, он решил: разница в том, что на Марс он попал случайно – по крайней мере, с его точки зрения, – а здесь он включен в замысел. Здесь он не зритель, здесь он не смотрит со стороны.

Остров взбирался на гладкие горы мягко светившейся воды, и в эти минуты Рэнсом мог разглядеть множество соседних островов. Они отличались друг от друга цветом, да так, что он такого и не видывал. Огромные цветные ковры кружили вокруг и толпились, будто яхты, непогодой собранные в гавань, и деревья на них все время накренились то в одну, то в другую сторону, словно настоящие мачты. Он долго дивился тому, как ярко-зеленый или бархатно-розовый край соседнего острова вползает на волну, зависает над головой – и вдруг разворачивается, словно ковер, спускаясь с водяного склона волны. Иногда его остров и кто-нибудь из соседей оказывались по разные стороны одной и той же волны, только узкая полоска воды у гребня разделяла их, и на миг все это становилось похожим на земной пейзаж, словно ты очутился на лесной поляне, пересеченной ручьем. Но пока он любовался этой земной картинкой, ручей совершал то, чего никогда не бывает с ручьями на Земле, – он поднимался вверх, и суша скачивалась вниз по обе стороны. А вода все поднималась, пока половина сложившейся было суши не исчезала за гребнем, – и вместо реки Рэнсом снова видел высокую изогнутую спину злато-зеленой волны, вздыбившуюся до небес и угрожавшую поглотить его остров, который, прогнувшись, превратившись в долину, откатывался вниз, в объятия следующей волны, чтобы, вознесясь вместе с ней, снова превратиться в гору.

Тут его поразил какой-то грохот и скрежет. На миг ему показалось, что он вновь перенесся в Европу и над его головой кружит самолет. Потом он увидел своего приятеля дракона. Вытянув хвост, будто огромный крылатый червь, тот летел к соседнему острову. Следя глазами за его полетом, Рэнсом разглядел две стаи каких-то крылатых существ, слева и справа. Вытянувшись в две черные черты на фоне золотого неба, они спешили к тому же острову. Вглядевшись, Рэнсом понял, что это летят птицы, а тут и переменившийся ветер донес до него мелодичное чириканье. Птицы эти были чуть-чуть крупнее земного лебедя. Они так целеустремленно спешили к острову, к которому направлялся дракон, что Рэнсому стало любопытно и даже показалось, что и он с нетерпением чего-то ждет. Изумление усилилось, когда он разглядел, что в море что-то движется: вода кипела и сбивалась в пену, и пена эта стремилась к тому же острову, целое стадо каких-то морских животных спешило туда. Рэнсом поднялся на ноги; тут высокая волна загородила от него остров, но через минуту он снова разглядел торопливо плывших к острову животных. Сейчас он смотрел на них с высоты в несколько сотен футов. Все они были серебристые, все усердно работали хвостами. Снова они исчезли из виду, и Рэнсом даже выругался. В этом неторопливом мире все это казалось очень значимым. Ага! Вон они. Да, это рыбы. Очень большие, толстые, вроде дельфинов. Они вытянулись двумя цепочками, некоторые пускали целые фонтаны радужной воды. Впереди плыл вожак. Он показался Рэнсому немного странным, у него был какой-то выступ на спине. Еще бы хоть минуту, чтобы как следует взглянуть! Рыбы уже подплывали к острову, и птицы спускались, чтобы встретить их у берега. Снова Рэнсом увидел вожака со странным выступом на спине. Снова не поверил своим глазам – но уже бежал к самой кромке острова, громко вопя и размахивая руками. В тот самый миг, когда вожак подплывал к соседнему острову, остров поднялся на волне, и Рэнсом увидел на фоне неба четко и ясно очертания фигуры на спине вожака. Это был человек. Теперь, сойдя со спины вожака, он ступил на берег, обернулся, слегка поклонился рыбе и вместе со всем островом, перевалившим за гребень волны, исчез из виду. Рэнсом ждал, пока остров покажется снова, сердце у него часто билось. Вот он! На этот раз – ниже, а не между Рэнсомом и небом. Но человека не видно. На миг отчаяние пронзило Рэнсома. Потом он все-таки разглядел темную фигурку – человек удалялся от него к роще синеватых деревьев. Рэнсом подпрыгивал, размахивал руками, орал, пока не сорвал голос, но человек не замечал его. То и дело он скрывался из виду, когда же Рэнсому снова удавалось его разглядеть, он боялся, что это только обман зрения, какое-нибудь дерево, скопление листьев, которые ему сейчас кажутся человеком. И всякий раз, прежде чем он успевал отчаяться, он снова отчетливо различал этот силуэт; но глаза уже начинали уставать. Рэнсом понял, что чем больше он будет вглядываться, тем меньше увидит.

Наконец от усталости он опустился на землю. До сих пор одиночество почти не пугало его, теперь оно стало невыносимым. Он больше не мог оставаться один. Вся красота, весь восторг его исчезли – стоило этому человеку пропасть из виду, и мир превращался в кошмар, в ловушку, в камеру, где он безысходно заперт. Он боялся, что начинается галлюцинация. Он боялся, что обречен навеки жить в одиночестве на этом отвратительном острове. Он будет один, но ему все время будут мерещиться люди, с распростертыми объятиями, с улыбкой на устах, и они исчезнут, едва он к ним приблизится. Он уронил голову на руки, стиснул зубы и попытался привести мысли в порядок. Сперва он слышал только свое тяжелое дыхание и удары сердца, потом ему все-таки удалось взять себя в руки. И тогда его осенило: чтобы привлечь внимание существа, похожего на человека, надо просто подождать, пока остров поднимется на гребне волны, и тогда встать во весь рост, чтобы тот увидел его на фоне неба.

Трижды ждал Рэнсом, пока его остров превратится в гору, поднимался, покачиваясь, снова размахивал руками. На четвертый раз он добился своего. В это время соседний остров лежал под ним, словно долина. Он увидел, как черная фигурка помахала ему в ответ. Человек отступил от сине-зеленых деревьев, на фоне которых его было так трудно разглядеть, и побе-

жал через оранжевую лужайку навстречу Рэнсому, к самому краю своего острова. Он бежал легко, словно привык к зыбкой почве. Тут снова остров Рэнсома ринулся вниз, немного назад, и огромная волна разделила два клочка суши, так что на миг-другой остров исчез из виду. Потом, почти сразу, Рэнсом увидел снизу оранжевый остров, медленно сползавший к нему по склону волны. Человек все еще бежал, пролив между островами был теперь не шире тридцати ярдов, и Рэнсома отделяло от него примерно сто ярдов. Теперь он видел, что это не просто человекообразное существо – это самый настоящий человек. Зеленый человек в оранжевом поле – зеленый, как летние жуки в английском саду, – все еще бежал по склону горы навстречу Рэнсому, бежал легко и очень быстро. Море тем временем подняло остров Рэнсома, и зеленый человек стал крохотным где-то далеко внизу, как актер, когда его видишь с галерки. Рэнсом стоял на самом краю своего острова, напряженно глядя вперед и все время окликая того, другого. Зеленый человек задрал голову. Видимо, он что-то кричал, приложив ко рту сложенные раструбом руки, но шум моря поглощал все слова, а остров Рэнсома снова летел вниз, в расщелину между двумя волнами, и высокий зеленый гребень волны укрыл от него соседний остров. От этого можно было свихнуться, – он испугался, ему казалось, что волны относят острова все дальше друг от друга. Слава богу, оранжевая земля вновь показалась на гребне волны и вместе с волной пошла вниз. Незнакомец стоял теперь на самом берегу, глядя прямо на Рэнсома. Глаза его сияли любовью и радостью, но тут же лицо это резко изменилось, на нем проступило удивление, разочарование, и Рэнсом, тоже огорчаясь, понял, что его принимали за кого-то другого. Не к нему бежал зеленый человек, не ему махал рукой и что-то кричал. И еще одно он успел рассмотреть: это не мужчина, а женщина.

Нелегко сказать, почему это так его удивило. Раз на этой планете жили люди, он мог повстречать и женщину, и мужчину. Но он удивился – так удивился, что два острова вновь отделились друг от друга, скатившись в долины по разные стороны волны, когда он понял, что ничего не сказал, только по-дурацки таращился на эту женщину. Теперь она исчезла из виду, и его пожирали сомнения. Неужели он послан ради этого? Он ожидал чудес, он был готов к чуду – но не к какой-то зеленой богине, словно вырезанной из малахита и все же живой. Тут он вспомнил – он почти не заметил этого, когда глядел на нее, – что ее сопровождала странная свита. Будто дерево над кустарником, она высилась над целой толпой существ – больших голубино-сизых и огненно-красных птиц, драконов, крохотных бобров, каких-то геральдических рыб. А может, ему померещилось? Может, это – начало галлюцинации, которой он боялся, или миф, ворвавшийся в мир фактов и более страшный, чем мифы о Цирcee и Алкионе? Какое у нее выражение лица!.. Чего же она ждала, если встреча с ним так ее разочаровала?

Снова показался другой остров. Да, животные есть, они ему не померещились. Они окружали ее рядов в десять, а то и в двадцать, и все глядели на нее, большей частью – не двигаясь, хотя кое-кто и пробирался на свое место, бесшумно и учтиво, словно на торжественной церемонии. Птицы сидели длинной цепочкой, к ним тихо подлетали новые. Из чащи пузырчатых деревьев шли к Женщине несколько длинных коротконогих свинок вроде поросычьей таксы. Маленькие лягушки, которые прежде падали вместе с дождем, скакали вокруг нее, порой достигая головы и опускаясь ей на плечи; цвет их был так ярок, что сперва Рэнсом принял их за зимородков. Она стояла, спокойно глядя на него. Руки ее висели вдоль тела, ноги были сдвинуты, взгляд не говорил ни о чем. Рэнсом решил обратиться к ней на старосолярном языке.

– Я из другого мира, – начал он и остановился.

Зеленая Женщина сделала то, чего он никак не ожидал, – подняла руку и указала на него, словно приглашая всю эту живность им полюбоваться. В тот же миг лицо ее изменилось, и он подумал было, что она вот-вот заплачет, но она засмеялась, и смеялась, пока не согнулась от хохота, держась одной рукой за колено, а другой все указывая на него. Свита ее смутно понимала, что началось веселье, как поняли бы наши собаки, и на него откликнулась: кто махал

крыльями, кто фыркал и поднимался на задние лапы. А Зеленая Женщина все смеялась, пока новая волна не разлучила их.

Рэнсом просто оторопел. Неужели эльдилов перенесли его в этот мир, чтобы он встретил здесь идиотку? А может, это злой дух, издевающийся над людьми? Или все-таки призрак, галлюцинация? Тут он понял (надо признаться, гораздо быстрее, чем понял бы я на его месте), что Женщина не сумасшедшая – это он, Рэнсом, смешон. Он оглядел себя. Ноги и впрямь смешные, одна – красно-коричневая, как у тициановского сатира, другая – почти безжизненно бледная. Он попытался осмотреть и бока – то же самое, полосы, память о странствии через космос, когда Солнце поджаривало его только с одной стороны. Значит, над этим она смеется? Сперва он обозлился на существо, для которого встреча двух миров – какой-то смешной пустяк. Потом все-таки засмеялся над собой – нечего сказать, весело начинаются его похождения на Переландре! Он-то готовился к испытаниям, а его встречают сперва досадой, потом смехом... Ага! Вот и остров – и Зеленая Женщина на нем.

Она уже отсмеялась и спокойно сидела на берегу, свесив ноги в воду и рассеянно поглаживая зверька, похожего на газель, который тыкался носом ей в локоть. Глядя на нее, трудно было поверить, что она только что хохотала. Казалось, она сидела вот так всю свою жизнь. Рэнсому не доводилось видеть такое спокойное, такое неземное лицо, хотя все черты его были вполне человеческими. Потом он понял, почему оно показалось ему странным, – в нем совершенно не было той покорности, которая здесь, у нас, как-то хоть немного соединяется с полным и глубоким покоем. Вот затишье – но перед ним не бушевала буря. То, что Рэнсом видел на этом лице, могло быть слабоумием, могло быть бессмертием, могло быть чем угодно, но на Земле такого нет. Странная, страшная мысль пришла ему в голову: на древней Малакандре он повстречал существ, чей внешний вид и отдаленно не напоминал человека, но, когда он познакомился с ними поближе, они оказались и приветливыми, и разумными. Под чуждой оболочкой билось человеческое сердце. Что ждет его здесь? Теперь он понимал, что слово «человек» не означает определенную форму тела или даже разум – оно связано и с той общностью крови и памяти, которая объединяет всех людей на земле. Это существо не принадлежало к его роду – никакая ветвь родословного древа, пусть самая отдаленная, не соединяла его с Зеленой Женщиной. В этом смысле в ней не было ни капли «человеческой крови». Ее род и род человеческий созданы отдельно и независимо друг от друга.

Все эти мысли пронеслись в его уме, и резкая смена освещения прервала их. Сперва ему показалось, что это сама Женщина стала синей и засияла каким-то электрическим светом. Потом он заметил, что в синеву и пурпур окрасился весь остров – а острова уже снова относило друг от друга. Он поглядел на небо. Вокруг него сиял многоцветный веер краткого венерианского вечера. Через несколько минут наступит ночь, и волны разлучат их. Медленно произнося слова древнего наречия, он заговорил с Женщиной.

– Я чужеземец, – сказал он. – Я пришел к вам с миром. Позволите ли вы мне перебраться на ваш остров?

Зеленая Женщина с любопытством взглянула на него.

– Что такое «мир»? – спросила она.

Рэнсом чуть не приплясывал от нетерпения. Становилось все темнее, и расстояние между островами явно увеличивалось. Только он хотел заговорить, как большая волна поднялась между ними, и снова тот остров исчез из виду. Над ним повисла волна, лиловая в лучах заката, и он увидел, что небо по ту сторону волны уже совсем черное. Соседний остров, далеко внизу, уже окутывали сумерки. Рэнсом бросился в воду. Не так-то легко было отцепиться от поросшего водорослями берега, но ему это удалось, и он поплыл вперед. Тут же волна отбросила его назад к красным зарослям на берегу. Проборовшись несколько мгновений, он снова освободился от них, быстро поплыл – и тут, без всякого предупреждения, на море пала ночь. Он все еще плыл, хотя не надеялся не только добраться до того острова, но и просто спастись.

Огромные волны сменяли друг друга, не давая ему понять, куда именно он плывет. Только случай помог бы ему найти хоть какую-нибудь землю. Судя по тому, сколько времени он уже был в воде, он плыл не к соседнему острову, а вдоль разделявшего их пролива. Он попытался сменить курс, передумал, попытался снова плыть, как плыл раньше, – и, окончательно запутавшись, уже совершенно не понимал, куда и как он плывет. Он уговаривал себя, что нельзя терять голову, но уже устал и даже не пытался держаться какого-либо курса. Вдруг, когда прошло уже немало времени, какие-то водоросли скользнули вдоль его бока. Он ухватился за них, подтянулся, уловил в темноте благоухание цветов и фруктов. Он подтягивал и подтягивал тело к берегу, хотя руки очень болели. Наконец, тяжело дыша, он рухнул на безопасную, благоуханную, сухую, тихонько волнующуюся землю плавучего острова.

Глава V

Видимо, Рэнсом заснул, едва выбрался на берег, потому что больше он ничего не помнил до тех пор, пока его не разбудил голос птицы. Открыв глаза, он увидел и саму птицу – длинноногую, вроде миниатюрного аиста, только пела она как канарейка. Свет был дневной, такой яркий, какой может быть на Переландре, и в предчувствии славных приключений Рэнсом быстро присел, а там и поднялся на ноги. Раскинув руки, он огляделся. Он был не на оранжевом острове, а на том самом, где жил с тех пор, как попал на Переландру. Стоял мертвый штиль, и дойти до берега не составило никакого труда. Там он замер от удивления: остров, на котором жила Зеленая Женщина, плыл рядом с ним, всего в пяти шагах. Весь мир вокруг него изменился. Моря нигде не было, со всех сторон – только плоские острова, поросшие лесом. Десять или двенадцать островов на время соединились. На том берегу, отделенная от него узкой расщелиной, показалась Зеленая Женщина. Она шла, чуть наклонив голову, что-то плела из голубых цветов и тихо напевала, а когда Рэнсом окликнул ее, остановилась и поглядела ему в глаза.

– Вчера я была молодая, – начала она, но Рэнсом едва разобрал ее слова. Теперь, когда они встретились, он был совершенно потрясен. Поймите меня правильно. Его потрясло совсем не то, что Женщина, как и он сам, была совершенно голой. И похоть, и стыд были слишком далеки от этого мира; если он и стеснялся своего тела, то не из-за различия полов – просто он знал, что он сам все-таки смешон и неловок. Зеленый цвет ее кожи не отпугивал его – напротив, в ее собственном мире этот цвет был и красив, и уместен; это его тело, с одного бока – тускло-белое, с другого – почти красное, казалось здесь уродливым. Нет, у него не было особых причин смущаться, и все же что-то сбивало его с толку. И он попросил ее, чтобы она повторила свои слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.